

ЧЕЛОВЕК СОПРОТИВЛЕНИЯ

Татьяна Михайловна Дегтярёва родилась в селе Нижний Гумбет Октябрьского района Оренбургской области. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт (филологический факультет), работала в сельских школах области, заведовала библиотекой № 10 Центральной библиотечной системы в Оренбурге. Лауреат премии имени Валериана Правдухина альманаха "Гостинный Двор" (2011). Автор книги очерков о писателях "Верные спутники моей жизни". Живёт в Оренбурге.

*...основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

А.С. Пушкин

*Человек сопротивления на
любом месте, в любом деле, во
всяких обстоятельствах – вот
наш герой.*

П.Н. Краснов

Чем дальше время отодвигает от нас дату ухода Петра Николаевича Краснова, тем весомей и значительней видятся и он сам, и труд его жизни, и такая нехватка его в сегодняшнем дне. С грустью недоумеваешь, почему так мало в нас своевременного внимания к человеку, зачастую нет просто доброго приятия того лучшего, что есть в рядом живущем. И мы начинаем многое видеть и понимать уже вдогонку. Поистине «лицом к лицу лица не увидеть».

Пётр Краснов для меня — это мощный интеллект. Это воля, это настоящее гражданское мужество. Но прежде всего и больше всего Пётр Краснов — это самостоянье личности, по Пушкину: «Самостоянье человека, залог величия его».

Творчество писателя всё более видится как большое литературное наследие, к сожалению, ещё мало осознанное даже читающими его соотечественниками. Сейчас это можно назвать и духовным завещанием много думавшего о судьбе родной земли и русских людей человека. За ним огромный труд, выросший из присущей далеко не всякому человеку жажды заглянуть во всю глубину жизни — из неотступной потребности Духа, Смысла, Истины. Безусловно, осуществление таких потребностей требовало недюжинных знаний и напряжённого труда. И нет сомнения, что огромная и непрерывная по жизни работа в этом направлении и сделала Петра Краснова большим, глубоким и честным русским писателем.

Его публицистические работы заслуживают особого внимания. Их отличает строгий, абсолютно бескомпромиссный взгляд на принципиальные для писателя вещи. Краснову свойственна особая данность: в череде многих сложных проблем и современной нашей жизни, и истории прошлых лет видеть те ключевые звенья (зреть в корень), отгалкиваясь от которых он выстраивает

логическую цепочку причин и следствий тех или иных сложнейших обстоятельств. Мысль писателя, глубокая, как сильное дерево разветвлённая, очень требовательная, не дающая покоя, — всегда главное звено его интеллектуально насыщенных произведений.

Неизменное присутствие внутреннего категорического императива (выдающийся философ И. Кант считал его наличие главным признаком подлинной культуры человека) осязаемо уже при первом знакомстве с публицистикой Краснова. И в который уже раз дивишься прозорливости видящего наперёд писателя и печалишься о том, как мало прислушиваемся мы к такому вперёдсмотрящему слову наших больших и серьёзных литераторов. Один только перечень затрагиваемых писателем тем: об отъявленной и уже неудержимой сегодня западной лжи, об истоках и опасностях национальных проблем в России, о грозных вызовах Ноосферы, о великом Льве Толстом, наконец, — говорит о многом. И в художественных произведениях, и в публицистике Пётр Краснов остаётся верен своей главной теме: трагической судьбе России, которой приходится жить сегодня в непредсказуемо изменившихся политических реалиях.

Работа, которая наиболее отвечает дню сегодняшнему, а по сути является как бы окном, через которое писатель заглянул в

сегодняшние трагические дни, — «Еврофашизм против России». Написанная в 2015 году, то есть за семь лет (!) до начала СВО, работа поражает глубиной предвидения. Уже тогда автор выражал твёрдую уверенность, что нет никаких шансов на «мирное сосуществование» России и Запада: «...холодная война против нашей страны не только не ушла в прошлое, но обрела за последние 20 лет (теперь уже 30 лет. — Т.Д.) новое политическое и информационное измерение, которое по своей интенсивности вполне заслуживает определения очередного «дранг нах Остен» — «натиска на Восток»... И прежде всего это касается пересмотра политиками и пропагандой Запада итогов Второй мировой войны — пересмотра преступного и в нравственном, и в политическом отношении», — пишет Пётр Краснов. Уже не в первый раз писатель как на важнейший компонент обращает внимание на **информационную пропаганду**, роль которой в нашей стране была явно недооценена. Это отчётливо увиделось только с началом прямых военных действий России.

Относительно недавнюю резолюцию Европарламента, фактически приравнивающую освободительную борьбу «тоталитарного», дескать, СССР к злодеяниям нацистской Германии, писатель рассматривает как откровенное желание «снять тяжкую вину за развязывание

Второй (впрочем, и Первой тоже) мировой войны с Запада, хотя бы отчасти свалить её на СССР — Россию». Автор характеризует такую попытку желанием, что называется, отмыть чёрного кобеля добела. Писатель приводит примеры самых подлых методов и масштабных, мирового уровня целей и задач такого нагло-циничного «политического поведения» уже прямых теперь наших недругов. Важно сегодня вдуматься и в приводимые автором факты того, что в годы Второй мировой войны «почти вся Европа была в той или иной мере фашистской или в весьма мнимом нейтралитете... Вся, с населением 350 миллионов в оккупированных странах, не только работала в полную силу на военную машину рейха, но и воевала в рядах его вермахта... Поистине это было второе, после Наполеона жесточайшее нашествие "двунадесяти языков"».

Пётр Краснов приводит конкретные цифры потерь в результате Второй мировой войны в Германии и в странах её союзников на Восточном фронте. Читателю нетрудно провести параллель: **8 миллионов 649 тысяч во всей Европе** против более **26 (!) миллионов в СССР**, не считая страшных разрушений того, что сегодня определяется как инфраструктура. И после этого западники ничтоже сумняшеся пытаются навязать молодёжи мысль, что не Россия, не народы СССР, а якобы союзники наши, пришедшие на

помощь, когда исход войны был уже предрешён, являются победителями во Второй мировой войне. Приводя примеры злодеяний, совершённых Гитлером вкупе с европейскими союзниками, Пётр Краснов констатирует: «И уже мало сомнения в том, что случись очередная мировая заваруха, они вряд ли уступят еврофашистам Второй мировой в жестокости и низости». Что называется, как в воду глядел... Глядел, понимал и предвидел то, что многие воочию увидели только сегодня. «Они уже и не скрывают особо своих целей, надеясь всё и всех подавить железной силой, раскручивая очередную гонку вооружений, весь мир опутав удавкой своей долларовой «зелени» и выкачивая за пустые бумажки из всех жизненные соки, ставши по сути паразитом земной цивилизации, заводя её своей алчностью во всеобъемлющий глобальный кризис».

Ещё раз подчеркну, что всё это написано за семь лет до СВО, которая показала и продолжает показывать, что сегодняшние поборники набившей оскомину «демократии» оказались не просто достойны своих предшественников, а во многом уже превзошли своих дедов и прадедов. Сегодня всё намного подлее, хотя, казалось бы, куда же ещё... Куда же ещё — можно, если напроочь отменить совесть и элементарные приличия, отменить Бога, и тогда, как писал Достоевский, «всё

позволено», всё можно: воевать чужими руками, натравливая славян против славян, создавать многострадальные Бучи, с особой жестокостью издеваться над военнопленными, бомбить мирных жителей, убивать не только патриотических лидеров, но и всех, кто просто не против России. Такое, наверное, не снилось даже Гитлеру.

Пётр Краснов приводит слова известного английского историка А. Тойнби: «Задайте любому народу вопрос, что собой представляет Запад по отношению ко всем народам, и все ответят одинаково: **Запад — архиагрессор**». Заканчивается работа прямым призывом писателя, не утратившим своего значения и сегодня: «Отъявленной голливудской и прочей лжи каждый честный и думающий человек должен противопоставить, как самое малое, здравый смысл и стойкое неприятие того, что навязывается нам и отсюда, и от «нашего» СМРАДа» (средства массовой рекламы, агитации и дезинформации по А. Фурсову). «Более того, нужны **активные, наступательные действия в информационно-политическом поле**». И каждая работа самого Петра Краснова — это и есть проявление открытого и твёрдого противостояния проявлениям разного рода СМРАДа.

Принципиально-жесткая публицистика писателя — это его горячее стремление упредить наши ошибки, это призыв к рассла-

бленным и нередко равнодушным соотечественникам честно разобратся, в чём наши ошибки и просчёты, и, несмотря на сложности, выправлять их. Выправлять и становиться сильнее. Другого пути (кроме трагического) у нас просто нет.

О Льве Николаевиче Толстом

Много лет Пётр Краснов занимался творчеством Льва Николаевича Толстого, помогая современному читателю в постижении Толстого-художника, публициста и гражданина. И это неслучайно, потому что человека думающего и болеющего за судьбу России не могла не волновать личность великого писателя и мыслителя, творчество которого, как ничьё другое, отразило настоящую Россию и русского человека во всей их полноте.

Работы Петра Краснова — это не просто глубокое и в чём-то неожиданное толстововедение, но и попытка на опыте толстовского учения, оказавшего громадное влияние на передовые умы русских интеллигентов начала XX века, разобраться как в особенностях русской истории, русского человека, так и в истоках ошибок и заблуждений, которые привели Россию к революционным потрясениям. Этим проблемам посвящена большая часть книги Петра Краснова «Сердцем и разумом — в Слово».

Эта книга — уникальный труд, который ещё раз подтверждает, что Пётр Краснов не только серьёзный публицист, но и писатель-философ, заглянувший практически во все сферы отечественных проблем. Работы Петра Краснова о Толстом — это его особая, удивляющая смелостью и нестандартностью взгляда на вещи творческая ипостась. Это достойная страница современного толстововедения, на которой — откорректированное временем и глубоким анализом личное видение великих открытий и великих заблуждений яснополянского мудреца. Объединяя в статьях о великом писателе и мыслителе литературу, историю и философию, Краснов осмысливает уже с позиций современных реалий те сложнейшие, «вечные» вопросы, которыми задавался и которые мучительно пытался разрешить Толстой в своём творчестве и в своей конкретной жизни. Толстововедение Петра Краснова расширяет наши сложившиеся представления и о художественном творчестве писателя-великана. «До него, — пишет Краснов, — с такой «невыдуманностью», с такой естественной укоренённостью в «земляной», низовой правде жизни (и смерти) не писали. Это, собственно, и стало толстовским новаторством в мировой прозе». И, надо заметить, эти слова о толстовской естественной, «земляной», низовой правде жизни в полной мере

относятся к творчеству самого Петра Краснова.

В своём выступлении на XVIII Международной писательской встрече он подчёркивает, что важнейшие жизненные приоритеты Лев Толстой определил для себя уже в 27 лет: «...самоволие Толстого, его независимость от кого бы то ни было, свобода выбора пути проявляются сразу и навсегда». Краснов подчёркивает никогда не изменявшую Толстому принципиальность творческой позиции, поскольку «соблазны в писательстве наготове». Это подтверждает и сам Толстой: «Я много бы мог выиграть в жизни, ежели бы захотел писать не по убеждению». «Однако не для него было, — пишет Краснов, — стать беллетристом на все руки, в угождение публике и властям, поддаться «искушениям тщеславия» и богатства: "Быть деятельным всегда к цели духовной, обдумывать все свои поступки на том основании, что те хороши, которые стремятся к целям духовным"». Подчёркивая никогда не изменявшие Толстому внутреннее благородство и духовный стоицизм, Пётр Краснов заметит: «Как мало кто знавший, но ещё больше любивший и надеющийся на людей, он потому и верил чрезмерно в нравственные способности человека, потому же и ошибался. Это и было его истинной верой — нами, людьми, не вполне заслуженной».

О вероисповедальных заблуждениях Толстого Краснов пишет с таким проникновением в нравственные побудительные для этого причины, что ещё раз убеждаешься, что у великого человека и заблуждения великие, исходящие из его великой сострадательной души. И потому вместо как бы логичного недоумения (как же мог так «неправильно» рассуждать гений русской литературы) неожиданно, необъяснимо откуда, возникает вдруг у читающего чувство щемящей до слёз нежности к великому писателю.

В свете событий дня сегодняшнего тема войн, которые была вынуждена вести Россия, требует особенной пристальности. И потому по-особому видится и другая работа Петра Краснова — «Правда жизни, «Великий Лгун» и русское фармазонство». В ней Пётр Краснов развеивает раздутый западными историками миф о Наполеоне как о «grand homme» и военном гении. Как на Западе был создан миф о «крепком русском морозе», якобы единственно помешавшем французам победить русских, так был создан миф и о непобедимом Наполеоне. Приводя убедительные факты, писатель опрокидывает «предмет восхищения и восторга», стирая миф о его величии; «гений» на наших глазах превращается в чистой воды авантюриста, великого лгуна, «фюрера XIX века», все войны которого

были захватническими, цинично-жестокими и грабительскими. В свете дня сегодняшнего особенно важна именно **демифологизация истории, восстановление исторической правды**, которую сегодня пытаются «пересмотреть», умаляя роль России как страны-победительницы. В работе о Наполеоне писатель-публицист напоминает читателю и о том, что Толстой в своём романе одним из первых художественно разоблачил такое «дьявольски гениальное политическое изобретение Запада», каким явилось **масонство**. Он хорошо понимал всю его опасность для России. Подробно останавливаясь на характере действий «агентов влияния», Пётр Краснов пишет о той подлой роли, которую они сыграли в драматических событиях России и в 1917, и в 1991 годах, продолжая (и это надо всегда помнить!) свою активную деятельность и сегодня.

И, конечно, надо понимать: то, что делает сегодня Россия и её Вооружённые силы, и есть сокрушение западных мифов о своей избранности и непобедимости.

«А без волнения – нейдёт...»

Вопросы культуры, её сохранения в изменившихся реалиях нового времени всегда были в поле самого пристального внимания Петра Краснова.

Ещё в 90-е годы писатель предупреждал: «...невиданная

доньне во всех сферах сегодняшней жизни ложь, в том числе и эстетическая, вполне злостно разъедает и все смыслообразующие этические принципы, выстраданные человечеством». Публициста Краснова не могло не волновать наступление и всё большее утверждение в нашей жизни, в нашей культуре после распада СССР западной культуртрегерской идеологии.

Свою статью «А без волнения – нейдёт...», предворяемую эпиграфом из Льва Толстого «...а без волнения наше писательское дело нейдёт», он начинает с напоминания о цели всякого искусства, всякого подлинного творца: «Гармония мысли и чувства – вот, казалось бы, всем очевидная и давным-давно утверждённая цель для всякого истинного художника, в каком бы виде искусства или жанре ни подвизался, ни выражал он себя... Любой перекося в ту или иную сторону неминуемо и чаще всего отрицательно сказывается на художественной полноте выражения».

Что же происходит на деле, то есть в культурном пространстве России сегодняшней? С чувством глубокой сокрушённости писатель рассматривает ворвавшийся в наше искусство постмодернизм как пересмотр, как прямое перечёркивание каких бы то ни было этических и эстетических принципов. Горделивое стремление постмодернистов определить своё творчество как то, что якобы соответствует духу времени,

«духу эпохи», писатель называет «сухим эгоистическим рационализмом», «потреблятством с торгашеством», «повальным антихристианским неомистицизмом».

По мнению писателя, в постмодернизме напрочь отсутствует то, что можно назвать художественной полнотой изображения, нет живого чувства, того самого волнения, которое должен испытывать зритель или читатель при встрече с правдой жизни, а есть только «игра ума» — «весьма последовательный метод и, одновременно, несмыслимая печать, если не клеймо» искусства постмодерна. А потому точнее самого писателя сказать невозможно: «Тут превеликий соблазн играть изворотами и фантазмами ума, начитанностью-нахватанностью. Отсюда умозрительные, грубо логические (или намеренно абсурдные, вызывающие) конструкции-композиции-концепции, неизбежно искусственные, рассчитанный эпатаж, всяческие аллюзии как паразитирование на высших, не авторами добытых смыслах, «игра словами», которую Лев Николаевич считал (в статье о Шекспире) самым большим литературным грехом, и прочие изыски ощутимо праздного ума».

Снова и снова Пётр Краснов обращается как к высшему авторитету — ко Льву Толстому, к его нравственной позиции в отношении трудной правды настоящего искусства, которое должно рождать «живое чувство, объединя-

ющее совесть, стыд, боль, вот это самое «волнение» человеческого духа и исходящий из него долг». Рассматривая происходящее в искусстве дня сегодняшнего, автор пишет: «Нельзя не видеть, что постмодерн, как западная культуртрегерская идеология, после разрушения СССР перешёл у нас в стратегическое, ни много ни мало, наступление — и весьма успешное, судя по тому, как разбушевались везде опять грязевые вулканы псевдоискусства во всех его разновидностях, заливая всё непотребством своим, повторяя и преумножая задды декаданса столетней давности». Это, по убеждению автора статьи, особенно опасно тем, что непотребство стремится вытеснить с лучших театральных подмостков настоящее искусство, «уродуя попутно способности публики, молодых поколений в особенности, воспринимать прекрасное и отличать его от эрзац-поделок, а то и вовсе от примитивного кича. Жуткой какой-то и прилипчивой бледной немочью заражён почти поголовно российский театр».

Писатель приводит мнение журналиста Елены Журбиной, побывавшей на поэтическом спектакле «Двенадцать» в Театре на Таганке: «...во время спектакля возникло ощущение, что наш мир поражён каким-то новым вирусом — искажённостью сознания, когда уродство выдаётся за красоту, мерзость за правду, лживая небрежность — за искренность». И далее со

свойственной Краснову неприимиримостью он с возмущением пишет о том, как нестерпимо видеть, например, Ричарда Третьего в форме МВД (!), выезжающего на сцену в автомобиле (!).

Совершенно несовместимым с каким-то представлением о морали считает автор и то, что «смастрячили» (точнее не скажешь) из великого творения Толстого и Сергея Прокофьева — оперы «Война и мир» — наши супермодернисты. «Элен Курагина», расположившись на туалетных раковинах, покуривает наркоту и угощает ею «Наташу Ростову», в мини-юбке сидящую на подвешенной кровати, с ней рядом, с «намёком известным», спит «Соня»... Тут же и гости на балу — в масках сварщика, и «Кутузов», которого приносят на совет в Филях в вертикальном гробу (!). «Что ж, это и есть, ни больше ни меньше, акт безусловной русофобской агрессии, войны — идеологической, холодной», — возмущён автор. Недоумевает он и перед равнодушием зрителей: «И вопрос: почему так называемая культурная общественность города Петра не объявила бойкот этой смрадной поделке?»

В подобных экспериментах «злостная в своей примитивности антихудожественность феноменально, можно сказать, совпадает с русоненавистничеством». Главный вопрос — как лечить сей феномен? «Совершенно ныне очевидно и бессилие нашей общественности в сопротивлении

этому «креативному распаду», и потому здесь нужно принимать необходимые государственные решения. **Культура — дело державное**, и промахи в нём могут стать куда более печальными и болезненными, чем даже в политике или экономике».

Эта статья написана в 2014 году. Прошло 11 лет — что изменилось? Серебренниковы, Богомолы и им подобные — все на прежних своих местах... Есть над чем подумать.

«Лев Толстой и Ноосфера»

Эта работа в определённой степени продолжает и дополняет предыдущую. Речь в ней идёт о том, что громадные возможности, которые создаёт сегодня интернет, образуют «небывалую в истории человечества социокультурную ситуацию». Пётр Краснов убеждён, что при всех несомненных плюсах, даруемых новыми технологиями, безудержная ложь, переполняющая сегодня нашу Ноосферу, не может не тревожить. Его очередная публицистическая работа — это, по большому счёту, взволнованное вопрошение о судьбе отечественной литературы в обстоятельствах такой социокультурной ситуации. Автор пишет: «Сверхмассовый, можно сказать, выход в информационное пространство (которое является весьма значимой, если не определяющей частью Ноосферы) «низовых» пользователей интернета

создал совершенно новую, необычную в истории человечества социокультурную ситуацию»; обрывается то отрицательное поле воздействия на человека, в котором неопытному пользователю трудно разобраться и тем более ему противостоять.

В своих размышлениях о происходящей в мировом пространстве большой лжи писатель отталкивается от двух фактов международной политики, давших зелёный свет такой ситуации. Первый — потрясший мир «теракт» в США 11 сентября 2001 года, который автор определяет как «сделанную собственными спецслужбами чудовищную диверсию-провокацию» и как «символ запредельной наглости и хамства по отношению ко всему угрюмо смолчавшему человечеству, ко всей многострадальной Ноосфере как таковой». Второй факт — так называемая «лунная афера» США, когда американцы в жадном стремлении переплюнуть СССР своими достижениями в космическом пространстве просто выдавали желаемое за действительное. Пётр Краснов на ряде примеров показывает всю несостоятельность и смехотворность приведённых американцами данных о своих «лунных достижениях». Но главное даже не в самих этих фактах как таковых, а в том, что «эта как бы «разрешённая» вышеприведёнными, глобальными по масштабу «акциями» ложь в последние десятилетия

распространилась на все уровни, полновластно захватила не только мировое массмедийное, но и культурное пространство, вызвав вполне очевидный кризис едва ли не всех видов искусства и самой культуры в целом». И уже не грусть, а стоящую за словами писателя сокрушённость можно почувствовать, соотнеся современную информационную разнузданность во всём, а тем более в сфере отечественной литературы, со временами Льва Толстого, которые «мы, — пишет Пётр Краснов, — продолжаем считать классическими в смысле устойчивости базовых понятий о правде и лжи, добре и зле, красоте и уродстве, о чести и бесчестии».

Как страшно далеки мы сегодня от этих спасительных классических канонов. Писатель выражает в связи с этим большую тревогу, наблюдая, что очень и очень немногие озабочены сегодня оздоровлением Ноосферы. К слову сказать, о страшно отрицательном воздействии образовавшейся Ноосферы давно бьют тревогу наши серьёзные учителя и многие ответственные родители. А должны бы ещё и государственники.

Хотелось бы немного остановиться ещё на двух работах Краснова-публициста, без которых нет полного представления о масштабе проникновения писателя в главную тему своего творчества — судьбу России, причины глубокого русского ненастья.

«Русские в Империи»

В этой статье Пётр Краснов жёстко ставит вопрос о **судьбе русских в России**. Вглядываясь в историю двухвековой (от революции 1917 года) давности, автор последовательно прослеживает путь страны от начала слома русской государственности, русской державности до собственно революции. Важнейшим основанием, которое привело к дальнейшим российским бедам, он считает поначалу незаметное, но твёрдое и целенаправленное умаление роли русских в государственных делах России, потерю русской державности через почти поголовное онемечивание и офранцуживание русской элиты. В этом писатель видит начало и дальнейший рост, выражаясь современным словом, пофигизма по отношению к русскому народу и как следствие — вытравливание основополагающей государственной триады: «Православие. Самодержавие. Народность».

«Державная традиция первых Романовых прервалась-переменилась уже на Петре Великом, и само государственное устройство России всё более становилось искусственным, навязанным со стороны, несообразным и не отвечавшим многим запросам и нуждам, интересам и даже религиозно-идеологическим установкам общерусского бытия, Царство русское сменилось на Империю "вообще"». Писатель напоминает: «Ведь ещё в 1918

году американский конгресс официально объявил, что России как государства больше не существует, а её территория, подразумевалось само собой, становится зоной «свободной охоты», международного раздела-разбоя». (Не правда ли, как это всё с ещё большей одержимостью Запада повторяется в наши дни?)

Всеохватный кризис государства, напрямую связанный с двухвековой утратой русской аристократией «длинной воли», с упадком ответственности за народ в национальной элите привели к «внутреннему колониализму» в отношении к большинству населения России. Работа Петра Краснова предупреждает о серьёзной опасности повторения ошибок, так как национальные проблемы старой России самым недвусмысленным образом перетекают в проблемы дня сегодняшнего. «Проблематика национальности... сейчас является официально табуированной, толерантность (в одном из значений этого слова — потеря иммунитета) и мультикультурализм здесь у россиянского политикума образцово-показательные, вплоть до ликвидации этой графы в паспортах и **отсутствия русских, как народа-нации**, в ельцинской Конституции РФ — тогда как в конституциях национальных республик в её составе субъектность этих «титულных» народов прописана... Политически, а значит, и социально нас, национального большинства

России, как субъекта с соответствующими правами попросту нет — и всё это, разумеется, для сокрытия крайне значимых диспропорций и неравенства по этническому признаку в населении нашем, экономике и статистике, где самые бедные, обделяемые в финансировании, в социокультурных и прочих планах области — исконно русские...»

«Лимиты» революции»

Эта статья Петра Краснова посвящена 100-летию Октябрьской революции 1917 года, которая определена была совершившим её народом как Великая Октябрьская социалистическая. Более ста лет прошло, но до сих пор не утихают острые дискуссии о сути и смысле этого события, имевшего огромное геополитическое значение в судьбах мира. Сколько копий сломано в горячих дискуссиях о том, хорош или плох был Советский Союз. Непросто найти в чередке подобных, в том числе и зафиксированных прений на этот счёт столь весомый, взвешенный, учитывающий все стороны, все обстоятельства анализ произошедшего, как это делает Пётр Краснов. Статья направлена на предотвращение возникающих разного рода кривотолков, того, что писателем определяется как «брожение умов», далеко не всегда безобидное. Разобраться в революционной теме всерьёз — значит понять истоки русской

беды, проникнуть в суть происходившего и сделать нужные выводы. Работа Петра Краснова — это опирающийся на многочисленные достоверные факты обстоятельный разбор того, что, как и почему произошло в России в октябре 1917 года. Шаг за шагом он исследует причины и отягчающие обстоятельства, которые и привели к революционному взрыву.

Наиважнейшими из них автор считает две войны (Первую мировую и Гражданскую), совершенно, по уверению автора, ненужных, всячески противопоставленных России и позорных, работавших на интересы Антанты. Писатель рассматривает негативную роль в начавшейся Гражданской войне именно «белой идеи», белого движения, которое «объективно и впрямую работало на достижение главной многовековой цели Запада — расчленение России». В свете происходящей сегодня СВО следует обратить особое внимание на слова автора о никогда не изменявшей Западу его роли в событиях и той, и всякой войне: «...если бы не обложившая все стороны света интервенция — в который раз! — «двунадцати языков»... и не масштабные весьма, можно сказать — решающие поставки извне средств ведения войны белым армиям (что сегодня в который уже раз и с ещё большим размахом повторяется. — *Т.Д.*), то открытое гражданское противостояние в

России могло бы довольно скоро загаснуть, не ожесточив настолько противоборствующие стороны, не принеся столько жертв и разрушений».

Писатель не сомневается: «Как бы теперь ни относиться к большевикам, но это именно они спасли единство и суверенитет страны. Обвинить их в зверствах гражданской смуты можно и нужно в той же мере, как и противников их, учитывая при этом многовековое угнетение и унижение низовых народных масс». Понимать причины революции — значит, по мысли автора, слышать голоса участников каждой из противоборствующих сторон разразившейся драмы, а потому «всё более ухудшающееся положение крестьянства и рабочих — одна из первопричин совершившейся революции».

Пётр Краснов резко отрицательно относится к образовавшемуся в нулевые годы сообществу ревнителей последнего царя и той «другой России», представляющих жизнь страны начала XX века «едва ли не идеальной, на самом, дескать, подъёме», тогда как приводящиеся в статье объективные факты говорят совершенно о другом: «Крестьянство страны, составлявшее более 85 % населения, уже в начале XX века пережило семь (!) массовых голодов, из них, по докладу Столыпина, в 1911 году “голодало 32 миллиона, потери 1 миллион 613 тысяч человек”, а вдобавок около 100 тысяч умерло от холеры».

И т. д., и т. п. Третьей из важнейших причин произошедшей революции автор статьи считает небывалый развал экономики, безволие власти. Огромную роль тут сыграло начавшееся при Петре Первом «быстрое и полное онемечивание династии Романовых, а по сути ползучий захват ими, «немцами», верховной власти», что, безусловно, ослабляло политическую волю и роль исконного русского дворянства. Многие и многие факты, представленные в работе, делают её более чем убедительной, просто не оставляя шансов каким-либо кривотолкам на этот счёт наших всё и вся умиротворяющих, а на деле сбивающих с толку либералов.

Итожа свои размышления об истоках революции, автор подчёркивает, что разложение русской аристократии, её антинациональная политика и равнодушие к «низам» («страшно далеки они от народа») — главные причины свершившегося народного бунта. В этом писатель видит именно закономерность произошедшей революции: «Народ и восстановил своё поправное достоинство, свою «самость» и историческую значимость тем способом, какой был ему доступен — свержением власти, которая не исполняла возложенных на неё Богом и нацией обязанностей».

Читая эту работу, нельзя не обратить внимание на мысль, которую можно понимать и как

своего рода предупреждение: в любом обществе, у любого народа при крайне неблагоприятных для него обстоятельствах всегда есть лимит на противостояние. И власти предержавшие должны отдавать себе отчёт в этом и в том, что «все большие, исторически значимые революции (в отличие от «цветных», так или иначе инспирированных извне) — события во многом закономерные, обусловленные объективными социальными, экономическими и прочими причинами, и искать в них особо зловерные силы и персоналии значило бы уходить от поиска истинных и весьма многосложных побудительных мотиваций этого, вдобавок, длительного процесса». Нельзя не напомнить и мысли автора об огромном, несмотря ни на что, значении Октябрьской революции 1917 года. «Русский социализм выявил и востребовал невиданные доселе запасы народной энергии и воли, пробудил и вызвал к творческой жизни десятки и десятки миллионов из «простого народа», из самых низов подняв их к высотам культуры, искусства, науки, прогресса вообще, из земледельческой создав индустриальную и самую образованную и читающую страну в мире». Работа «"Лимиты" революции» не оставляет шансов для разного рода попыток

умалить роль произошедших социалистических преобразований, принизить ничем неотменимую народную волю к правде — справедливости на земле.

В свете дня сегодняшнего хочется завершить разговор о сути Октябрьской революции 1917 года словами выдающегося русского мыслителя Петра Чаадаева: «России выпала величественная задача осуществить раньше всех других стран все обетования христианства, ибо христианство осталось в ней не затронутым людскими страстями и земными интересами», «социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники».

Сегодня на долю России снова выпала задача защищать «обетования христианства» и уже три года в ежедневных тяжелейших боях отстаивать поправленные Западом законы Справедливости и Правды на земле. Проецируя мысль Чаадаева на сегодняшние события, хочется выразить уверенность: мы победим! И не потому, что во всём правы, а потому, что не правы наши противники.

Спасибо нашему выдающемуся земляку Петру Николаевичу Краснову за огромное дело его жизни, осмысляющее и просветляющее и нашу историю, и наш сегодняшний день, и нас самих.